

В. Н. Земцов

Наполеон в России: социокультурная история войны и оккупации

УДК 94(100)“654”
ББК 63.3(0)52
З-55

*Издание подготовлено при финансовой
поддержке Российского научного фонда (РНФ),
проект № 16-18-10041 «Иностранная оккупация как опыт
межкультурного контакта: на материале Наполеоновских войн»*

Рецензенты:

доктор исторических наук В. М. Безотосный,
доктор исторических наук А. В. Чудинов

Идея проекта «Эпоха 1812 года» А. К. Сорокина

Земцов В. Н.

3-55 Наполеон в России: социокультурная история войны и оккупации / В. Н. Земцов. – М. : Политическая энциклопедия, 2018. – 431 с. – (Эпоха 1812 года).

ISBN 978-5-8243-2221-7

Книга представляет собой попытку представить на основе широкого круга отечественных и зарубежных источников особенности межкультурных контактов в эпоху Отечественной войны 1812 года (Русской кампании Наполеона). В центре внимания автора оказались три региона Российской империи – Литва (явившая пример ситуации в западных губерниях), Москва (демонстрировавшая вариант развития событий в центре великорусских территорий) и Урал (глубинный регион империи, только косвенно затронутый событиями войны).

Автор – доктор исторических наук, профессор кафедры новой и новейшей истории Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, заведующий кафедрой всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета.

Книга адресована специалистам и всем, кто интересуется всеобщей и отечественной историей.

УДК 94(100)“654”
ББК 63.3(0)52

ISBN 978-5-8243-2221-7

© Земцов В. Н., 2018
© Политическая энциклопедия, 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. Литва при Наполеоне	13
1.1. Литва при Наполеоне: деятельность временного правительства Великого княжества Литовского	15
1.2. Вильно в 1812 году: жизнь при Наполеоне	48
Глава 2. Москва при Наполеоне	62
2.1. Вступление армии Наполеона в Москву	66
2.2. Ф.В. Ростопчин и пожар Москвы	100
2.3. Московский пожар глазами французов	138
2.4. Московский муниципалитет: коллаборационизм образца 1812 года	204
2.5. Судьба русских раненых, оставленных в Москве	244
2.6. И.А. Тутолмин, Воспитательный дом и «русские дети Наполеона»	272
2.7. Оккупанты в Московском Кремле	289
2.8. «Новые варвары», или к вопросу о социокультурных диффузиях 1812 года	323
Глава 3. Военнопленные армии Наполеона в русском плену: опыт Урала	366
3.1. Французские пленные и первая уральская забастовка . . .	366
3.2. Французские пленные на Урале: историческая память Европы и Уральского края	391
Заключение	408
Именной указатель	414

Глава 1 ЛИТВА ПРИ НАПОЛЕОНЕ

Те несколько месяцев 1812 г., когда Литва оказалась под контролем войск и администрации французского императора, современные литовские историки назвали «временем Наполеона»¹. Этому периоду в истории Литвы посвящена обширная историография². Наиболее интересные исследования стали появляться в начале XX в., их авторами были польский историк Я. Ивашкевич и российские ученые К.А. Военский, Ю.В. Татищев, А. Вруцевич, Ф.А. Кудринский, Н.Н. Бернацкий, Г.А. Бориславский³. В межвоенный период польский военный историк М. Кукель и литовский исследователь Б. Дундулис обозначили новый этап в исследовании проблемы «наполеоновской Литвы», не только введя в оборот обширный пласт документов, но и попытавшись вписать литовские события в широкий исторический контекст 1812 года⁴. Наконец, на рубеже XX–XXI вв. в связи с серьезными геополитическими сдвигами в регионе Центрально-Восточной Европы и попытками переосмысления событий 1812 г. появились исследования таких авторов, как А.И. Попов и К.Б. Жучков (Россия), А.М. Лукашевич (Беларусь), В.В. Ададуров

¹ Пугачаускас В. Литва в войне 1812 года // Россия и Балтия. М., 2014. Вып. 7. Памятные даты и историческая память. С. 52.

² Мы используем политоним «Литва» применительно к ситуации начала XIX в., имея в виду Виленскую, Гродненскую и Минскую губернии.

³ Iwaszkiewicz J. Litwa w roku 1812. Kraków, 1912; [Военский К.А.] [Предисловие] // Акты, документы и материалы для политической и бытовой истории 1812 года. СПб., 1909; [Татищев Ю.В.] [Предисловие] // Акты и документы архива Виленского, Ковенского и Гродненского генерал-губернаторского управления, относящиеся к истории 1812–1813 гг. (Виленский временник. Кн. 5). Вильна, 1913. Ч. 2; Вруцевич А. Предисловие // Акты, издаваемые Виленскою комиссиею для разбора древних актов. Вильна, 1912. Т. 37. Документы и материалы, относящиеся к истории Отечественной войны 1812 г.; Кудринский Ф.А. Вильна в 1812 году. Вильна, 1912; Бернацкий Н.Н. События в Вильне во время Отечественной войны 1812 г. Вильна, 1912; Бориславский Г.А. События в Вильно в 1812 г. // Военный сборник. 1903. Июнь. С. 38–71; и др.

⁴ Kukiel M. Wojna 1812 roku. Kraków, 1937. Т. 1–2; Dundulis B. Napoléon et la Lituanie en 1812. P., 1940.

и С.В. Потрашков (Украина), В. Пугачаускас (Литва)¹ и др. Наиболее основательным исследованием стала хорошо фундированная монография польского историка Д. Наврота². О деятельности А.А. Жомини на посту военного губернатора Вильно пишет американский историк Э. Вовси³. Наконец, проблемы еврейского населения Вильно нашли отражение в публикациях В. Лукина⁴.

В сущности, все авторы, обращавшиеся к теме Литвы 1812 года, пытались ответить на главный вопрос: о причинах, обусловивших слабую результативность деятельности пронаполеоновской администрации Великого княжества Литовского (далее – ВКЛ). Мы же попытаемся ответить и на ряд иных вопросов: Стали ли месяцы пребывания войск Наполеона в Литве периодом освобождения или периодом оккупации, либо тем и другим одновременно? Как складывались отношения между населением Литвы и наполеоновской администрацией, а также между самими национальными, культурными, социальными и конфессиональными общинами на этой территории в тот недолгий период? В центре нашего внимания оказался Вильно, глав-

¹ Попов А.И. Великая армия в России. Погоня за миражом. Самара, 2002; Жучков К.Б. Взятие русскими войсками Вильно в 1812 г. // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. Сборник материалов. М., 2015. С. 121–161; Лукашевич А.М. Политическая ситуация в западных (белорусских) губерниях накануне и в начале Отечественной войны 1812 года в оценке российских служб разведки // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Материалы XV Международной научной конференции. 9–11 сентября 2008 г. Можайск, 2009. С. 54–70; Ададуров В.В. Между шляхтой и крестьянством: отношение французских государственных и военных деятелей к крестьянскому вопросу в западных губерниях Российской империи во время войны 1812 года // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. Сборник материалов (Труды Государственного исторического музея. Вып. 183). М.: Государственный исторический музей, 2010. С. 118–140; Потрашков С.В. Чужая война: нашествие Наполеона и еврейское население запада и юго-запада Российской империи // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Материалы XV Международной научной конференции. С. 229–238; Pugačiauskas V. Napoleono administracija Lietuvoje. Vilnius, 1998; Пугачаускас В. Указ. соч. С. 52–63.

² Nawrot D. Litwa I Napoleon w 1812 roku. Katowice, 2008.

³ Vovsi E. An Unsuitable Job for a Historian: Autoine-Henri Jomini's Governorship. Lithuania, 1812 // Journal of Baltic Studies. Vol. 43. Issue 4 (October 2012). P. 479–494.

⁴ Лукин В. Война 1812 года в коллективной памяти российского еврейства // 1812 год. Россия и евреи. М.; Иерусалим, 2012. С. 7–58; Он же. Участие российских евреев в войне 1812 года: заметки архивиста // Там же. С. 249–292.

ный административный и военный центр «наполеоновской» Литвы, средоточие как основных событий той эпохи, так и узел переплетения межкультурных и социальных контактов и противоречий.

Основными источниками, на которые опирается наше исследование, являются обширные документальные публикации начала XX века, сделанные К.А. Военским, Ю.В. Татищевым, А. Вруцевичем¹, в начале XXI века – В. Пугачаускасом², многочисленные воспоминания³, а также ряд неопубликованных материалов из французских⁴ и австрийских⁵ архивохранилищ.

1.1. Литва при Наполеоне: деятельность временного правительства Великого княжества Литовского

Земли, составлявшие «русскую Литву», на территории которой в 1812 г. на несколько месяцев появилось ВКЛ, вошли в состав Российской империи только в 1795 г. в результате третьего раздела Речи Посполитой. К 1812 г. они были разделены на Виленскую (Литовско-Виленскую), Гродненскую (Литовско-Гродненскую) и Минскую губернии. Помимо них, в состав ВКЛ вошла и Белостокская область. Насколько полными и точными были представления напо-

¹ Акты... Т. 1; Акты, издаваемые Виленскою комиссиею. Ч. 2.

² 1812 metų Lietuvos laikinosios vyriausybės komisijos posėdžių protokolai / Lietuvos istorijos institutas; parengė Virgilijus Pugačiauskas. Vilnius, 2012.

³ Военский К.А. Вильна в 1812 году. Из воспоминаний французских генералов графа Гогендорпа и Рох-Годара. СПб., 1912; Коленкур А. Мемуары. Поход Наполеона в Россию. М., 1943; Марбо М. Мемуары генерала барона Марбо. М., 2005; Пасторе. Записки маркиза Пасторе о 1812 годе // Русский архив. 1900. № 12. С. 481–548; Шуазель-Гуфье С. Воспоминания об императоре Александре I и императоре Наполеоне I. СПб., [1879]; Bangofsky G. Extraits de son journal de campagnes // Mémoires de l'Académie de Stanislas. 6-e Série. Nancy, 1905. Т. 2; Bignon. Souvenirs d'un diplomate la Pologne. P., 1864; [Brandt H.] Souvenirs d'un officier polonaise. 1808–1812. P.: G. Charpentier, 1877; Caulaincourt A.-A.-L. Mémoires. P., 1933. Т. 1; Chlapowski D. Mémoires sur les Guerres de Napoléon. 1806–1813. P., 1908; Denniée P.P. Itinéraire de l'Empereur Napoléon pendant la campagne de 1812. P., 1842; Hogendorp Dirk, van. Mémoires. P., 1887; Pils F. Journal de marche du grenadier Pils. 1804–1814. P., 1895.

⁴ АМАЕ. Série MD. Sous-série «Russie». Vol. 26; Série Mémoires et documents. Sous-série Pologne. Vol. 18; AN. AF IV. Vol. 1649, 1650; SHD. 1M 1489; 2. C 121.

⁵ Lettres Lithuaniennes // Hof, Haus- und Staats-Archiv, Wien. Polen V. 1 Berichte, Weisungen, Varia 1807–1820. Warschau. Varia 1807–1820.

леоновского командования и гражданских служб Наполеона об этом крае к началу войны с Россией? Обращение к материалам, отложившимся в Архиве исторической службы министерства обороны и в Архиве министерства иностранных дел Франции, дает следующую картину.

По данным наполеоновских аналитиков, в Виленской губернии проживало около 935 тыс. человек. В самом Вильно – 65 тыс. человек (в Гродненской губернии – 593 тыс., в Минской – 930 тыс., в Белостокской области – 170 тыс. человек; всего ко времени образования ВКЛ там проживало 2628 тыс. человек¹). Жителями Виленской губернии были литовцы (Lethuaniens), поляки, русские, евреи, немцы, богемцы (Bohemieus) и татары, однако помимо этих народов, как указывалось в аналитической записке, там проживали и иностранцы, прежде всего армяне. «Сервами, по большей части, являются литовцы, в то время как дворянство почти все польского происхождения. Среди последних есть столь бедные, что они вынуждены служить сеньору в качестве домашних слуг. Для большей части жителей религией является католицизм. Русские же придерживаются греческой веры, но не униатской. Татары исповедуют магометанство». «Литовцы, как и поляки, являются потомками древнего славянского народа, и языком для них является польский, который, по имеющимся сведениям, схож с языком склавинов». «Основной отраслью производства жителей губернии, – говорилось далее, – является сельское хозяйство. У местных крестьян редко бывает более одной или двух лошадей, одной или двух пар быков и столько же коров. Они редко содержат сколько бы то ни было овец или свиней. Однако в хозяйствах дворян лошадей много, небольших, но крепких, пригодных для использования в легкой кавалерии; имеется и хороший племенной скот».

Описывая климат края, аналитики отмечали, что он резко-континентальный, и зима долгая, как в Курляндии. Поэтому в крае, как и в других провинциях Польши, существует проблема подножного корма для скота.

¹ Готовясь к походу на Россию и рассчитывая на антироссийские настроения на всех территориях, которые были отторгнуты от Швеции, Польши, Пруссии, Австрии, Турции и Персии и присоединены к Российской империи в конце XVIII – начале XIX в., аналитики из министерства внешних сношений Франции подготовили специальные таблицы. Согласно им, только во время третьего раздела Польши Россия приобрела 1 176 590 жителей, которые потенциально могли поддержать армию вторжения // *Tableaux de la population des conquêtes de la Russie. Janvier 1812 (AMAE. Série MD. Sous-série «Russie». Vol. 26).*

Городское население губернии весьма немногочисленное, большей частью население сельское. Значительную часть населения составляют евреи. «Промышленности мало, – читаем далее. – Коммерция, связанная с экспортной торговлей, находится в руках дворянства (*noblesse*) и евреев. Экспорт продукции ориентирован на порты Балтики, прежде всего на Ригу, затем – на Кенигсберг и Мемель». Главные товары экспорта, сообщали авторы записки, рожь, ржаная мука, ячмень, гречиха (*blé noir*), конопля, лен, конопляное масло, хмель, доски, сосновый лес, еловый лес, солонина, сало, масло, шерсть, рога, конский волос, свиная щетина, воск и другие продукты сельского хозяйства. Тем не менее подчеркивалось, что коммерция не занимает большого места в жизни губернии, и экспорт товаров через рижский порт не превышает 10 тыс. тонн, и еще менее через порт Мемеля. Что касается предметов импорта, то они очень многочисленны в связи с плохо развитой промышленностью и покупкой дворянством предметов роскоши. Поэтому импорт в основном представлен солью, железом, кофе, изделиями из серебра и металла, бижутерией и иными украшениями, винами, сахаром, бакалеей, красками, сельдью, тканями из сукна и тканями из хлопка. Все эти товары ввозятся через Ригу, Мемель, Кенигсберг и Данциг¹.

Как мы видим, накануне военных действий французское командование имело возможность представить общую картину о ситуации в Литве, однако она была далеко не всегда точной. Вполне можно согласиться с львовским исследователем В.В. Ададуровым, который пишет об информационной фрагментарности и идейной стереотипности представлений наполеоновского командования о России, которые и предопределили линию поведения французских властей в западных губерниях Российской империи в период оккупации². Этот вывод подтверждается и выявленными нами материалами. Французское командование и администрация последовательно отбирали ту информацию, которая соответствовала изначальным, нередко даже фантастическим представлениям о Литве. «Говорят, что собственно русские считают казаков братьями поляков, но не москвитов, тем более что казаки долгое время были с поляками вместе под одним скипетром и имели одно правительство. Глупые москвитские законы привели к тому, что указ Екатерины 1775 г. перенес их места обитания на Днепр, а также определил местом их пребывания Кубань, Кавказские горы и Сибирь. Это говорит о том, что каза-

¹ Lithuanie. Gouvernement de Wilna // SHD. 1M 1489.

² Ададуров В.В. Между шляхтой и крестьянством... С. 121, 129.

ки сильно страдали от москвитов и готовы против них сражаться»¹. Эта, и подобные ей, выдержки из переписки литовских поляков тщательно собирались и «анализировались» информаторами армии вторжения.

Русское правительство, хорошо осознавая слабость своего влияния в западных губерниях, было – в условиях перспективы войны с Наполеоном – чрезвычайно этим обеспокоено. Еще в 1807 г. среди местного дворянства – как магнатов, так и мелкопоместной шляхты – был отмечен всплеск пронаполеоновских настроений. Более того, в Виленском крае широкое распространение получили слухи о готовности Наполеона освободить крестьян². Поэтому в течение 1807 – в начале 1812 г. Петербург предпринял ряд шагов (не всегда продуманных и достаточно эффективных), направленных на укрепление в регионе своих позиций. Стремясь обеспечить себе поддержку польско-литовской знати, российское правительство стало активно обсуждать вопрос о государственно-политической автономии Литвы в рамках Российской империи. Наряду с этим, делались значительные финансовые вложения в развитие Виленского университета и местных благотворительных учреждений.

14 апреля (ст. ст.) 1812 г. русский император прибыл в Вильно собственной персоной. Этот визит преследовал две главные цели: во-первых, проконтролировать подготовку двух Западных армий к началу военных действий; во-вторых, выяснить настроения населения Западного края и, по возможности, расположить его в свою пользу. Встреча русского государя, организованная властями края и жителями Вильно, должна была, казалось, вселить оптимизм. «Самые желанные и горячие ожидания наши исполнились, – писала газета «Курьер литовский»³. – В 2 ½ часа пополудни мы увидели в наших стенах обожаемого монарха. (...) Вершины холмов, окружавших дорогу [проходившую по Антокольскому предместью. – В. З.], башни, крыши, окна – все было переполнено толпой народа разного звания. Во главе депутаций шел городской магистрат. Ремесленные цехи шли с распущенными знаменами и, опуская их, с барабанным боем отдавали приветственную честь. Евреи, по своему обряду, поднесением торы и хлеба, выражали свои чувства»⁴. Духовенство всех вероиспове-

¹ *Lettres Lithuaniennes*. F. 42.

² См.: Dundulis В. *Op. cit.*; Лукашевич А.М. Политическая ситуация... С. 55–56; и др.

³ Газета издавалась на польском языке и в то время была единственной в крае. После вступления в Литву Великой армии тон публикаций радикально изменился в пользу Наполеона.

⁴ Kurjer Litewski. 1812. 15 (27) апреля 1812 г. № 34.

даний в праздничном облачении поздравляло приближавшегося монарха. Весь день гремела музыка, а вечером была иллюминация.

В течение всего пребывания в Литве, чаще всего в Вильно, Александр I без усталости раздавал титулы, награды и обещания¹.

Однако, наряду с этими действиями, ход военных приготовлений вынудил российские власти предпринять и такие шаги, которые явно не могли радовать местное население. Следовало обеспечить войска 1-й и 2-й Западных армий продовольствием, транспортом, людьми для подвижного магазина и перевозки больных, дровами, людьми для земляных работ и т. д. Реализация подобных задач потребовала гигантского напряжения сил и ресурсов западных губерний, прежде всего Виленской². Особенно недовольно подобными тяготами оказалась местное дворянство, тем более что оплата его усилий «была связана с обязательным единовременным внесением всех недоимок», а кроме того, «производилась не серебром, а облигациями и ассигнациями, курс которых уже упал до ужасающих размеров...»³. «Ни пребывание императора Александра в Вильно, ни его попытки заслужить популярность не затронули сердца истинных поляков, любящих свою родину», – так писал некто Гедивилло (Gediwillo) из Вильно своему другу в Варшаву⁴.

Достаточно убедительными представляются выводы белорусского исследователя А.М. Лукашевича, который проанализировал ситуацию в западных губерниях Российской империи накануне вторжения Наполеона: «...лояльность к российскому правительству проявляли отдельные представители богатейшего дворянства. Значительная часть средней и особенно мелкой шляхты была негативно настроена к власти. Свое материальное благополучие они связывали с возрождением государственности “Польши” в любом из ее вариантов. В определенной оппозиции российскому правительству находилось католическое и униатское духовенство. Большая часть “сельских обывателей” также была недовольна своим положением. И хотя крестьяне безропотно выполняли постоянно возрастающие повинности (...), даже они ожидали от предстоящей войны перемен и прежде всего решения вопроса об отмене крепостного права»⁵. Что

¹ Шуазель-Гуфье С. Указ. соч. С. 45; Пугачаускас В. Указ. соч. С. 52–55; Кудринский Ф.А. Указ. соч. Глава 3; Татищев Ю.В. Указ. соч. С. 5–11; и др.

² См., например: Акты... Т. 1. С. 47–102.

³ Татищев Ю.В. Указ. соч. С. 11.

⁴ *Lettres Lithuaniennes*. F. 41.

⁵ Лукашевич А.М. Белорусские земли в военно-стратегических планах Российской империи (конец XVIII в. – 1812 г.): автореферат дисс. ... д-ра ист. наук. Минск, 2014. С. 34.

же касается еврейского населения, которое составляло значительную часть жителей Вильно, то и в его отношении российские власти проявляли значительную степень недоверия. Все это предопределило, как справедливо указывает А.М. Лукашевич, что «Александр I смирился с вероятной потерей своих “польских провинций”»¹.

Для российского правительства оставалось одно: вывезти из западных регионов накануне войны важную для неприятеля документацию, побудить к отъезду русских помещиков и чиновников и тех представителей литовской знати, которые ориентировались на Петербург, наконец, нанести возможный ущерб оставляемой территории (разрушить мосты, сжечь магазины и т. д.).

После получения известий о переходе войсками Наполеона Немана (вопреки «романтической версии», русский император еще до бала в Закрете уже знал о начале неприятельского вторжения), начался массовый выезд из Вильно семей военных и чиновников, вывоз оставшихся архивов, денег и т. д.² Виленские обыватели, оставшиеся в Вильно и ожидавшие вблизи города сражения, приготовили запас продовольствия и заперлись в домах. С беспокойством прислушиваясь к проходившим по улицам отступавшим русским войскам (движение которых началось 14 июня (ст. ст.) и к утру 16-го (ст. ст.) закончилось), виленские обыватели ждали дальнейшего развития событий. Несмотря на ряд стычек на окраинах города, сражения не произошло³.

16 (28) июня, в воскресенье, в полдень, в Вильно вступили части наполеоновской армии. «Курьер литовский» написал об этом так:

¹ Лукашевич А.М. Указ. соч. С. 34.

² Вместе с Александром I 14 июня (ст. ст.) из Вильно выехали виленский предводитель дворянства К.А. Сулистровский и гродненский предводитель дворянства князь К.Ф. Друцкой-Любецкий в сопровождении местных влиятельных дворян Рокицкого и Вавржецкого. Покинуло Вильно и несколько профессоров Виленского университета.

³ По городу ходили упорные слухи, что при отступлении русские зажгут город; при этом одни утверждали, что все местные жители будут уведены в Россию, другие же полагали, что всех просто вырежут. Наконец, стали говорить, что сражения не будет, и что император Александр ради того, чтобы оградить Вильно от бедствий войны, повелел сдать город без боя и даже отправил к Наполеону особую делегацию (Шуазель-Гуфье С. Указ. соч. С. 46; Татищев Ю.В. Указ. соч. С. 18). Ю.В. Татищев замечает, что «средние и низшие слои населения связывали неизбежное занятие города наполеоновскими войсками не с идеей освобождения от русского владычества, а с волею императора Александра, подчиняясь ей и оставаясь таким образом как бы верными ему и в самом своем отпадении» (Татищев Ю.В. Указ. соч. С. 19).

«Едва только русские отступили за Антоколь и Зеленый мост¹, и обыватели заняли караулы на гауптвахте², как немедленно же вошли в город первые польские и французские разъезды. Магистрат, знатнейшие жители и большая часть народа с городскими ключами вышли навстречу непобедимой армии. Его Величество король Обеих Сицилий [И. Мюрат. – В. З.] ласково принял депутатов на Погулянке [местность к югу от центра города. – В. З.]. По окончании церемонии этой первой встречи они отправились на полмили дальше, по направлению к Понарам [местность к западу от Вильно по дороге на Ковно, известная высокими холмами. – В. З.], для изъявления чувств преданности Его императорскому и Королевскому Величеству»³. Далее «Курьер литовский» в высренных выражениях, во многом напомиравших фразы из сообщения о встрече русского императора несколькими месяцами ранее, описал восторги виленских жителей, увидевших войска Наполеона и его самого.

Судя по свидетельствам очевидцев и участников тех событий, восторги виленской публики были на этот раз действительно более громкими, чем в апреле 1812 г. «Весь город был на улице, все окрестные горы сплошь были покрыты людьми, чающими первыми увидеть французов. Многие с этой целью полезли на крыши домов, башни церквей и колокольни. Огромные толпы побежали за ковенскую заставу, откуда ожидались французы. Все это бежало, сталкивалось, галдело, напоминая собою в общем один громадный дом сумасшедших», – вспоминал Михаил Лавринович, францисканский монах⁴. «Народ веселился на улицах, на площадях крича виват и пускаясь к реке подбирать оружие, которое русские, отступая, там побросали. Муниципалитет с распущенными знаменами вышел подносить императору Наполеону ключи от города», – вспоминала Шуазель-Гуфье, урожденная графиня Тизенгаузен⁵. «Полк князя Радзивилла⁶ прошел по нашей улице, – вспоминала она, – то были польские ула-

¹ Через р. Вилию к северу от центра Вильно было переброшено два моста: один каменный и другой (восточнее первого) – деревянный, называвшийся Зеленым мостом. Зеленый мост был подожен отступавшими русскими частями.

² Как видим, газета пыталась представить виленских горожан активной силой, взявшей город под свой контроль еще до подхода частей Великой армии.

³ Kurjer Litewski. 1812. № 49.

⁴ Кудринский Ф.А. Указ. соч. С. 37. Сноска 8.

⁵ Шуазель-Гуфье С. Указ. соч. С. 46–47.

⁶ 8-й польский уланский полк из 1-й легко-кавалерийской дивизии Брюйера 1-го резервного кавалерийского корпуса.

ны в своих прелестных мундирах с значками из польских цветов. Я стояла на балконе замка. Они с улыбкой отдавали мне честь. И в первый раз в жизни я увидела поляков! Слезы восторга и радости полились из моих глаз; я осознавала себя полькой! И эта минута была восхитительна, но как она была коротка!»¹

Действительно, минута восторга была недолгой. Вместе с вступлением в город войск Наполеона для виленских жителей началась трагедия. «Войска сии, заняв окрестности города, – вспоминал виленский помещик Эйсмонт, – истребили тотчас прилегающие к оному обывательские дачи, а в числе оных и мою, близ города состоящую, Маркуци называемую, забирая всякую находившуюся в оной провизию, скот, лошадей, всякое движимое имущество, истребляя двери, окошки и мебель, находившиеся в строениях; а для совершення крайнего разорения, кавалерия, запасаяся хозяйственными косами, скосила всякого рода дворовый и крестьянский хлеб для корма лошадей; и таким образом, в продолжение одного часа, лишился я всего...»² «Между тем, – вторит Эйсмонту Шуазель-Гуфье, – начался грабеж. Вне города и по деревням совершались неслыханные бесчинства: церкви были ограблены, священные сосуды осквернены; даже кладбища не были пощажены, несчастные женщины оскорблены! Самые прискорбные рассказы так и сыпались»³. Подобных свидетельств, относящихся уже к начальному пребыванию наполеоновских войск в Вильно, имеется немало.

В чем была причина подобных эксцессов? Многие авторы, обращавшиеся к событиям 1812 г. в Литве, отмечали пагубную роль, которую сыграли бюллетень Великой армии и воззвание о начале 2-й польской войны, продиктованное Наполеоном 23 июня в Вильковишках⁴. Войска, изнуренные походом, восприняли это воззвание как факт вступления на неприязельскую территорию и предались

¹ Шуазель-Гуфье С. Указ. соч. С. 26–47.

² Письмо виленского помещика Эйсмонта о пребывании Наполеона в Вильно в 1812 году // Акты... Т. 1. С. 416. Эйсмонт отправил своего управляющего «с просьбою к Наполеону, но не удостоился счастья получить резолюцию». Эйсмонт отмечает, что в то же время его «шинкарка», также подвергшаяся разорению, получила от Наполеона 200 франков. Эйсмонт полагает, что Наполеон, «видя, что невозможно награждать неисчислимых убытков, войсками его причиняемых, наделял только одних неимущих» (Там же. С. 417).

³ Шуазель-Гуфье С. Указ. соч. С. 48.

⁴ Napoléon I. Correspondance de Napoléon I-er. P., 1868. Т. 23. № 18855. P. 618–619; Caulaincourt A.A.L. Op. cit. Т. 1. P. 354; Татищев Ю.В. Указ. соч. С. 23; Nawrot D. Op. cit. S. 374; и др.

мародерству¹. А.Д. Пасторе, французский чиновник, с августа 1812 г. интендант Витебской провинции, писал так: «Из Ковны армия двигалась через Бумчешки (Румшишки), Шишморы (Жижаморы), Собоleshки (Соботишки) и Риконты (Рыконты) до Вильны. Расстояние между этими двумя городами всего двадцать восемь миль; но дорога, идущая по нагроможденным кучам песка, подчиняющаяся всем неровностям гористой местности, которые нигде не попытались выровнять, должна была и, действительно, оказалась тягостной. Стояли сильные жары, и наши лошади, не привыкшие к таким дорогам, уже падали в громадном числе. Армия оставила их за собой от 7 до 8 тысяч...»²

Однако только лишь изнуренностью войск и их «ошибками» в интерпретации наполеоновского воззвания от 23 июня вряд ли можно объяснить размах грабежей и насилий, с которыми солдаты обрушились на Вильно и его окрестности. Ключевая проблема заключалась в том, какую роль отводил Литве в своих планах Наполеон и как это влияло на его решения и действия в ходе событий 1812 г. Целый ряд документов и обстоятельств достаточно ясно проясняют планы Наполеона. Так, 28 мая, еще находясь в Дрездене, император продиктовал пространные инструкции для Д.Ж. Ф. Прадта, отправлявшегося в Варшаву в качестве французского резидента. Прадт должен был направить деятельность варшавского правительства на обеспечение Великой армии всеми возможными ресурсами герцогства, держать в курсе дела императора и Главный штаб, способствовать росту патриотических настроений, в особенности в отношении тех польских провинций, которые «фактически оккупированны Россией», для чего созвать сейм и создать общепольскую конфедерацию как своего рода верховный совет вооруженной нации, следить за тем, чтобы патриотическая активность не вредила Пруссии и Австрии³. Еще более явно роль Литвы в проектах Наполеона была обозначена 11 июля в его ответе на речь сенатора Выбицкого, который возглавлял делегацию польского сейма, прибывшую в Вильно, дабы от имени генеральной конфедерации просить французского императора поддержать реше-

¹ Собственно говоря, части Великой армии действовали как на завоеванной территории еще и до перехода Немана (См., например: [Brandt H.] Op. cit. P. 231).

² Пасторе. Указ. соч. С. 484–485. Инспектор смотров П.П. Деннье также пишет о том, что при переходе от Ковно до Вильно пало 5 тыс. лошадей (Dennée P.P. Op. cit. P. 21); об этом писали и другие современники.

³ Napoléon I. Correspondance... Т. 23. № 18734. P. 441–447; Bignon. Op. cit. P. 238.

ние о возрождении Речи Посполитой. Слова Наполеона были следующими: «Если старания ваши будут единодушны, можете питать надежду заставить врагов признать права ваши; но только от единодушных усилий всех жителей можете ожидать успеха. (...) Пусть Литва, Самогития, Витебск, Полоцк, Могилев, Волынь, Украина и Подолия одушевлятся тем же духом, который встретил я в Великой Польше, и Провидение увенчает успехом святое ваше дело»¹.

Ю.В. Татищев в свое время справедливо обратил внимание на странности в организации власти в провозглашенном ВКЛ, которые противоречили «основным принципам юридической конструкции всякого государства», а именно, что «верховная власть не принадлежала императору Наполеону» и «еще менее принадлежала она временной правительственной комиссии, так как рядом с нею, а в некоторых отношениях и под нею, действовала власть французского генерал-губернатора». Более того, в подписанном в кафедральном соборе Вильно 2 (14) июля акте о присоединении жителей ВКЛ к генеральной конфедерации польского королевства не содержалось никаких указаний на их отказ признавать власть русского императора. Таким образом, независимость Литвы от России нигде не была провозглашена. В этой связи Ю.В. Татищев высказал мысль о том, что «виленские политические деятели, идя с виду послушно в поводу у Варшавы, до известной степени сознательно допустили все перечисленные несообразности в положении Литвы...»²

В целом очевидно, что Наполеон, намекая литовской элите на возможность то ли возрождения Речи Посполитой, то ли на обретение Литвой независимости как самостоятельного политического образования, стремился воспользоваться людскими и материальными ресурсами последней исключительно в целях достижения военного успеха в борьбе с русским императором. Нам представляется, что и серьезные трения, которые возникли между военным губернатором Виленской провинции генералом А.А. Жомини и генерал-губернатором Литвы Т. ван Гогендорпом, а также между представителями наполеоновской администрации и Комиссией временного правительства ВКЛ (далее – ВП ВКЛ), имели своим источником сознательно созданную Наполеоном ситуацию неопределенности в столице «русской Польши».

Напомним, что 1 июля Наполеон создал Комиссию ВП ВКЛ, в которую первоначально вошли С. Солтан, К. Прозор, Ю. Се-

¹ Цит. по: Акты, издаваемые Виленскою комиссиею... С. VIII.

² [Татищев Ю.В.] Указ. соч. С. 27–28.

раковский, А. Сапега, Ф. Ельский, А. Потоцкий и Я. Снядецкий, которая и должна была представлять высшую гражданскую власть в Литве. Само же ВКЛ должно было состоять из четырех департаментов, охватывая территорию главным образом Виленской, Гродненской, Минской губерний и Белостокской области. В городах княжества учреждались муниципалитеты. В главном городе – Вильно – президентом (мэром) стал М. Ромер (с 16 сентября – Я. Хорайн). Помимо президента, в руководящий состав муниципалитета входили четыре его помощника и 12 членов муниципального совета. Несмотря на видимый «демократизм» при формировании органов гражданской власти ВКЛ, когда на все административные должности были назначены представители местной элиты (естественно, польско-литовского происхождения), контроль за ними должны были осуществлять лица, принадлежавшие к французской военной и гражданской администрации. Комиссаром при комиссии ВП ВКЛ стал Л.П.Э. Биньон, ранее исполнявший подобные функции при правительстве Великого герцогства Варшавского (на этом посту его сменил Прадт). В каждом департаменте, где гражданскую власть должна была осуществлять административная комиссия из трех человек, имелся французский интендант, который контролировал ее деятельность.

Военную власть в Литве представлял генерал-губернатор (на эту должность 8 июля был назначен генерал граф Т. ван Гогендорп). Каждый департамент имел своего военного губернатора. В Виленском департаменте им вначале был генерал А.А. Жомини, а затем (официально с 4 октября) генерал Р. Годар. При этом, хотя поиск средств и сама организация вооруженных сил, жандармерии и национальной гвардии возлагались на собственно литовское руководство, реальная военная власть была исключительно в руках французского командования¹. Это обстоятельство, в сущности, и стало причиной серьезного конфликта между Жомини и Гогендорпом. Внешне это выглядело как результат взаимной исключительно личной неприязни двух генералов – «пустого и самоуверенного» (слова Гогендорпа) швейцарца Жомини и подобного «трости капрала» (слова Жомини)

¹ Биньон, комментируя инструкции, врученные от имени Наполеона Прадту, подчеркивал, что внешняя самостоятельность польского правительства должна была опираться «исключительно на силу нашей армии». Кроме того, характер войны с Россией должен был быть «обычным», не предполагавшим создание «посполитого рушения», когда вооружались и господа, и крестьяне (Vignon. Op. cit. P. 231). Подобными намерениями, как отмечал Биньон, Наполеон руководствовался и в отношении Литвы (Ibid. P. 239).

голландца Гогендорпа¹. Однако при сопоставлении деятельности Жомини в качестве военного губернатора Виленского департамента и Гогендорпа как генерал-губернатора Литвы становится понятным, что швейцарец на французской службе, в отличие от Гогендорпа, не был готов к тем, по сути, жестоким мерам, которых требовал Наполеон от Литовского края для обеспечения нужд Великой армии всеми необходимыми ресурсами. Сам Гогендорп писал о своем появлении в Вильно так: «Члены временного литовского правительства отнеслись ко мне чрезвычайно холодно и, вероятно, были восстановлены против меня. Они не сделали мне визита, утверждая, что я должен был посетить их первый. Со своей стороны, я совсем не вмешивался в дела их внутреннего управления, но считал необходимым обратить свое внимание на военную часть, особенно на продовольствие и комплектование прибывавших и проходивших французских войск. Я считал это важнейшей своею обязанностью, зная, что император придает этому особенное значение»². Наполеон, находясь уже в Смоленске, 24 августа известил Гогендорпа о его назначении председателем Комиссии ВП ВКЛ и о возложении на него обязанностей по организации литовской армии³. Члены Комиссии ВП ВКЛ были, по словам Гогендорпа, «столь же недовольны, как и удивлены». Князь Сапега в знак протеста подал в отставку и был заменен графом И. Тизенгаузенем⁴. Совершенно очевидно: литовское правительство не могло радоваться тому, что край, из которого уже выка-

¹ Конкретные обстоятельства конфликта изложила только одна сторона – Гогендорп (Hogendorp. Op. cit. (есть русский перевод: Военский К.А. Вильна в 1812 году.). Современный американский автор Э. Вовси попытался взглянуть на события глазами Жомини (Vovsi E. Op. cit. P. 51–53). Одним из пунктов, по которым Гогендорп критиковал Жомини, было стремление последнего укрепить Замковую гору. Действительно, хотя такого рода укрепления не имели большой ценности из-за господства высот левого берега р. Вилии, но приказ о их возведении был отдан самим Наполеоном.

² [Военский К.А.] [Предисловие]. С. 16.

³ Наполеон – Маре. 24 августа 1812 г. // Napoléon Bonaparte. Correspondance générale. P., 2012. T. 12. № 31592–31593. P. 1039–1040; Военский К.А. Вильна в 1812 году. С. 17. В ночь на 25 августа Наполеон покинул Смоленск и двинулся вслед за русской армией к Москве. Литва, по мысли императора, должна была «быстро и эффективно» решать конкретные задачи тылового обеспечения и формирования новых армейских частей в условиях решающей фазы военной кампании.

⁴ Из текста мемуаров Гогендорпа можно понять, что его отношения с Биньоном, «опекавшим» Комиссию ВП ВКЛ, во все время его, Гогендорпа, деятельности сохранялись равными (Военский К.А. Вильна в 1812 году. С. 17–18). Однако сам Биньон свидетельствовал об обратном (Bignon. Op. cit. P. 240).

чали чуть ли не все ресурсы, теперь должен был быть окончательно разорен, причем без каких-либо ясных гарантий на обретение независимости.

Как в этих условиях действовала литовская администрация, оказавшаяся фактически в заложниках цинично-прагматических интересов французского императора? Попытаемся нарисовать эту картину, обратившись к главным проблемам, которые должна была решать комиссия ВП ВКЛ. Начать следует с вопроса о создании вооруженных сил Литвы.

Вплоть до конца июля Наполеон считал возможным формировать вооруженные силы княжества на основе принципа добровольчества, а решить проблему финансирования – за счет ресурсов края – надеялся, рассчитывая прежде всего на патриотизм и самопожертвование местной знати. Уже в 4-м бюллетене Великой армии от 30 июня сообщалось, что сразу по вступлении французов в Вильно «четыре или пять сотен молодых людей из Университета, которым едва за 18 лет и которые принадлежат к лучшим фамилиям, потребовали сформировать из них полк»¹.

1 июля в приказе по организации ВП ВКЛ Наполеон распорядился сформировать в Вильно Национальную гвардию² из двух батальонов по шесть рот в каждом; численность двух батальонов была определена в 1450 человек. Командующим виленской Национальной гвардией стал К. Козельский, командирами батальонов – А. Францесон и С. Закржевский. Кроме того, было приказано создать в каждом из четырех департаментов жандармерию во главе с полковником, и в каждом из уездов было предписано расположить роту жандармерии. Командиром жандармерии Виленского департамента стал Антоний Храповицкий, а отдельными начальниками – князь Стефан Гедройц и Станислав Радзишевский³. Весьма своеобразно был обозначен принцип формирования жандармерии: «Офицеры, унтер-офицеры и волонтеры жандармерии будут избираться из среды дворян, уездных землевладельцев. *Отказываться от назначения никто не имеет права* [выделено мной. – В. З.]»⁴. В заключение приказа Наполеона говорилось так: «Начальнику Главного штаба назначить

¹ Pieces officielles et Bulletins de la Grande-Armée. Année 1812. P., s.a. P. 71.

² В русских документах эти формирования чаще называются Народной гвардией благодаря произвольному переводу с польского «gwardia narodowa».

³ В Вильно должна была быть сформирована также Почетная гвардия во главе с Гавриилом Огинским. М. Марбо утверждал, что г. Вильно и Виленский округ «смогли дать лишь двадцать человек в почетный караул Наполеона» (Марбо М. Указ. соч. С. 523).

⁴ Акты... Т. 1. С. 134–135; Акты, издаваемые Виленскою комиссиею... С. II.

старшего офицера или командира отдельной части, француза или поляка, состоявшего в армии, комендантом всего департамента. Ему будут подчинены Национальная гвардия, жандармерия и местные войска»¹.

23 июля Комиссия постановила, что офицеры жандармерии, выбравшие «всеобщим голосованием» из городских обывателей и землевладельцев, служат бесплатно; каждый рядовой жандармерии будет получать по одному золотому в день. Жандарм должен был обмундироваться за свой счет и иметь собственного коня. В Виленском департаменте предполагалось сформировать корпус жандармерии в 550 человек².

5 июля, вслед за распоряжением о создании Национальной гвардии, последовал приказ о формировании пяти полков линейной пехоты (в составе трех батальонов, в каждом по шесть рот) и четырех полков линейной кавалерии (по четыре эскадрона, в каждом по две роты), которые должны были стать частью Войска польского³. Эта нелегкая задача была снова возложена на литовское правительство, а именно на Военный комитет под председательством А. Сапеги и его помощника полковника А. Ходкевича. Предполагалось, что лошади будут предоставляться местными помещиками в зависимости от количества имевшихся у них деревень, а экипировку обеспечат главные города княжества⁴.

В этой ситуации Виленский муниципалитет проявил явную растерянность. Он уведомил Административную комиссию Виленского департамента, что город Вильно должен поставить 119 рекрутов, но вся «польская городская молодежь», назначенная к набору, уже добровольно поступила на военную службу. Русская же молодежь, жившая ранее в городе, также была взята на службу по набору, произведенному до вступления в Вильно французов. Таким образом, как заявил муниципалитет, среди населения совсем нет молодых людей, и набор рекрутов является невозможным. Как единственное средство было предложено искать добровольцев⁵.

¹ Акты... Т. 1. С. 136–137.

² Там же. С. 211–213. 6 октября воззвание о наборе в жандармерию было повторено (Там же. С. 228–229).

³ Iwaszkiewicz J. Op. cit. S. 158–162; Попов А.И. Великая армия в России. С. 79.

⁴ Napoléon I. Correspondance... Т. 23. № 18902, 18955, 18962, 19001, 19053; Kukiel M. Op. cit. Т. 1. S. 371; Notice historique... // Акты... Т. 1. С. 419–421; Попов А.И. Великая армия в России. С. 79 и др.

⁵ Выдержки из протоколов заседания муниципалитета г. Вильно // Акты... С. 241.

По мнению А.И. Попова, к концу июля удалось сформировать только первый батальон 18-го полка линейной пехоты, да и то благодаря тому, что 18 июля для его укомплектования французское командование передало 354 пленных поляков¹.

Было ясно, что на энтузиазм местного населения уповать не стоило. В результате решили прибегнуть к рекрутскому набору, апробированному в период российского господства. 25 июля было издано распоряжение временного правительства «о наборе кантонистов». Виленский департамент должен был поставить 3 тыс. рекрутов. Набору подлежали лица от 18 до 34 лет ростом не менее 2 локтей и 12 вершков «литовской меры». Срок службы устанавливался в шесть лет, срок на проведение рекрутского набора – с 6 по 30 августа. При отказе помещиков от предоставления рекрутов, к ним надлежало применять военную силу. В случае отсутствия у помещиков должного числа крепостных для поставки в качестве рекрутов, они должны были заплатить 1 тыс. польских злотых. Что до представителей той части населения, на которую рекрутская повинность не распространялась (евреи, караимы и др.), то они платили за каждого рекрута по 2 тыс. злотых. Наконец, устанавливалось, что помещик должен был снабдить рекрута двумя рубашками, двумя парами панталон и башмаков, шапкой и сермяжной курткой².

Увещевая крестьян, которые были явно не в восторге от перспективы рекрутчины, Комиссия ВП опубликовала 1 августа специальное воззвание, в котором, в частности, говорилось: «При прошлом правительстве нужно было сынов ваших в окопах препровождать в

¹ Попов А.И. Великая армия в России. С. 80–81. Между тем «Курьер Литовский» 29 июля сообщал, что в 18-м линейном полку было уже 600 человек (Kurjer Litewski. № 59).

² Акты... Т. 1. С. 213–215, 223–224. Комиссия ВП ВКЛ на своем заседании 4 августа приняла решение обеспечить каждого кантониста перед выступлением еще и суммой в 7 рублей. Сбор денег предполагалось осуществить за счет «патриотизма граждан» (Выписка за журнала заседаний Комиссии. 4 августа 1812 г. // АН. 1650. Ф. 125). Гогендорп в своих воспоминаниях назвал принятие литовским правительством русской системы рекрутского набора грубой ошибкой, так как «дворянство (les seigneurs) естественно избавлялось от худших из своих крестьян (vassaux), и было трудно распределить их по полкам, которые старались перепихнуть один другому подобный человеческий хлам, военная подготовка которого занимала долгое время» (Hogendorp. Op. cit. P. 215–216). К этому стоит добавить, что русские власти предусмотрительно постарались вывезти все документы, которые могли бы облегчить наполеоновской администрации осуществление рекрутского набора.

войско. Вы теряли их навсегда, служба их продолжалась до конца жизни, их посылали в отдаленные края за реками и за морями. Теперь совсем иные условия службы: только на шесть лет сыновья ваши удалятся из домов родителей, будут служить в своем крае, в своей провинции, офицеры будут обращаться с ними ласково, отечество щедро им заплатит, а по окончании службы они возвратятся домой к своим земледельческим занятиям». Впрочем, такого рода ласковые увещевания сопровождалась угрозой «суровой военной кары»¹.

Одновременно с этим воззванием Комиссия ВП ВКЛ издала предписание о формировании четырех полков кавалерии (в отношении создания которых Наполеон отдал приказ еще 5 июля) на основе рекрутского набора. Один всадник с конем и снаряжением должен был быть поставлен от 75 дворов. На Виленский департамент пришла квота в 1327 всадников. Мелкопоместные владельцы, не имевшие 75 дворов, уплачивали 1 тыс. злотых за всадника и 500 злотых за коня².

Исключительно на добровольной основе шло формирование 3-го полка шевалежеров Императорской гвардии. По-видимому, сразу после вступления Наполеона в Вильно в этот полк и записались те самые «четыре или пять сотен молодых людей», о которых сообщалось в 4-м бюллетене Великой армии. Между тем 21 июля командующий полком польских улан Императорской гвардии генерал А. Красинский отправил И. Тизенгаузену, члену Административной комиссии, письмо, в котором сообщил о приказе Наполеона принять в полк Старой гвардии «тысячу молодых литовских дворян». Условия зачисления были следующими: дворянское происхождение, пристойное поведение, возраст от 18 до 32 лет, наличие коня и мундира³. 4 августа по этому поводу вышло распоряжение Комиссии литовского правительств⁴. Наконец, 12 августа был официально объявлен набор «тысячи добровольцев»⁵. Судя по всему, набор этот шел достаточно медленно. Согласно бумагам А.И. Михайловского-Данилевского, в Виленском департаменте охотников вступить в этот полк нашлось только 33 человека⁶. По-

¹ Акты... Т. 1. С. 245.

² Там же. С. 216–220; Акты, издаваемые Виленскою комиссиею. С. 246–248.

³ Акты... Т. 1. С. 209–210.

⁴ Там же. С. 222–223; Выписка из журнала заседания Комиссии, 4 августа 1812 г. // AN 1650. Ф. 126.

⁵ Акты, издаваемые Виленскою комиссиею. С. 285–286.

⁶ Акты... Т. 1. С. 210.

видимому, это действительно было так, поскольку 25 ноября «Курьер Литовский» вторично опубликовал воззвание Красинского. В комментарии к нему говорилось: «Мы, литовский генерал-губернатор, дивизионный генерал граф Гогендорп, предписываем всем гражданским властям опубликовать настоящее воззвание в подведомственных им округах для сведения всех жителей Литвы. Оно было уже раз опубликовано, но по непредвиденным обстоятельствам не имело желаемого успеха»¹.

Одновременно с объявлением о наборе «тысячи добровольцев», 12 августа комиссия сообщила, что «недостаток средств задерживает образование линейного войска, жандармерии и Национальной гвардии, а настоятельная необходимость требует постоянного присутствия военных команд как для поимки шаек беглецов из войска, так и для поддержания порядка в стране», и поэтому объявила о формировании шести временных батальонов из лесников, егерей и старших лесничих². Однако и этот набор шел очень медленно. 13 сентября Гогендорп вторично запросил литовские власти о результатах призыва, отметив, что у него до сих пор нет на этот счет никаких сведений³.

Под угрозой провала находились и все попытки организовать рекрутский набор в пехотные и кавалерийские полки, с трудом происходило комплектование и корпуса жандармерии. 3 октября срок поставки рекрутов был продлен до 26 октября⁴, а 7 октября были несколько изменены правила комплектования жандармерии – теперь туда набирали людей в возрасте от 18 до 50 лет. Снова уведомили о плате рядовым по одному злотому в день⁵.

Между тем в сентябре и октябре стали предприниматься усилия по формированию еще двух полков: конно-егерского и конного полка из литовских татар. Идея создания конно-егерского полка появилась благодаря тому, что два литовских магната Игнатий Монюшко и Абрамович выразили намерение сделать большие пожертвования на формирование полка (оба сразу получили чины полковника и майора). 22 сентября было объявлено о добровольном вступлении

¹ Там же. С. 224–225.

² Там же. С. 223–224; Акты, издаваемые Виленскою комиссиею. С. 223–224; Fabry G. Campagne de Russie 1812: Operations militaires. P., 1903. Т. 3. P. 532–533.

³ Акты... Т. 1. С. 225–227.

⁴ Акты, издаваемые Виленскою комиссиею. С. 423–424.

⁵ Акты... Т. 1. С. 228–229; Акты, издаваемые Виленскою комиссиею. С. 430–432.

«литовской молодежи» в этот конно-егерский полк¹. 3 и 7 октября воззвание с призывом вступить в этот полк дважды публиковал «Курьер Литовский».

Воззвание Военного комитета ВП ВКЛ к литовским татарам с призывом вступить в вооруженные силы Великого княжества было обнародовано еще 2 августа². Позже возникла идея сформировать из татар отдельную часть, и 23 октября «Курьер Литовский» напечатал воззвание подполковника польской службы Мустафы Мирзы Ахматовича, в котором тот объявил, что готов принять всех желающих вступить в полк, даже если у них нет «мундира, вооружения и лошади»³. В конечном итоге удалось укомплектовать только один эскадрон (формирование происходило в Варшаве), который в дальнейшем вошел в качестве разведчиков в 1-й полк шеволежеров Императорской гвардии.

Наконец, на средства Рудольфа Тизенгаузена в Вильно формировалась и конно-артиллерийская рота, которая в 1813 г. вошла в состав армии Великого герцогства Варшавского⁴.

Что касается Национальной гвардии, представлявшей собой милиционные формирования, она должна была быть создана из городских обывателей христианского вероисповедания: домовладельцев, купцов, ремесленников и их подмастерьев. Большая часть гвардейцев должна была обмундировываться за собственный счет, а меньшая – за счет муниципалитетов, точнее, за счет еврейского кагала и тех христиан, которые не несли этой повинности «натурой» (старше 50 лет, лица духовного звания и т. д.)⁵. Национальная гвардия в

¹ Акты... Т. 1. С. 227–228. Полк получил 21-й номер (напомним, что в Войске польском полки имели «сквозные» номера). В этом воззвании было заявлено, что пять полков пехоты и четыре полка кавалерии уже почти укомплектованы. Гогендорп пишет, что «один молодой польский дворянин» (это был, как полагаем, И. Монюшко) взялся набрать и снарядить за свой счет полк легкой кавалерии, если его сделают полковником. Так как у молодого человека были наличные деньги, Гогендорп принял это предложение без колебаний (Hogendorp. Op. cit. P. 319).

² Kurjer Litewski. № 60; Акты... Т. 1. С. 220–221; Выписка из журнала заседаний комиссии. 2 августа 1812 г. // AN. 1650. F. 123.

³ Акты... Т. 1. С. 231–232. Гогендорп вспоминал, что к нему приходило много татар, которые просили принять их на службу с условием сформировать из них отдельную часть. Он, Гогендорп, сформировал из них один эскадрон, обещая, если их число увеличится, развернуть его в полк (Hogendorp. Op. cit. P. 319).

⁴ Notice historique... // Акты... Т. 1. С. 423.

⁵ Акты... Ч. 2. С. 79, 91.

Вильно должна была состоять из двух батальонов и иметь численность в 1450 человек. Однако, несмотря на то что «Курьер Литовский» без устали восхвалял внешний вид виленских национальных гвардейцев, их боевая подготовка да и численность оставляли желать много лучшего. Уже к августу стало очевидным, что набрать в Национальную гвардию нужное число людей не удастся. Командир одного из батальонов подполковник Антон (Антуан) Францессон в полной растерянности писал министру внешних сношений Ю.Б. Маре, герцогу Бассано, который, расположившись в Вильно, исполнял роль главного администратора тылов Великой армии; Францессон сообщал, что для формирования предписанной численности Национальной гвардии просто нет достаточного количества населения¹. Реальная численность Национальной гвардии в Вильно, по сведениям возвратившихся в конце 1812 г. русских властей, составляла не более 826 человек, которые к тому же, как указывалось в документах, «не все (...) несли службу»². Многие из национальных гвардейцев часто сказывались больными³. Когда в декабре 1812 г. в Вильно возвратились российские власти, они вначале распорядились, чтобы национальные гвардейцы продолжали нести свою службу, и только в марте 1813 г. Национальная гвардия была распущена⁴.

¹ Францессон – Бассано. Вильно, август 1812 г. // AN. 1650. F. 151–152.

² Акты... Ч. 2. С. 91. Были примеры того, что Виленский муниципалитет, «в противность воле Наполеона и расположения комиссии [имеется в виду Комиссия ВП ВКЛ. – В. 3.]», принудил православный виленский Свято-Духов монастырь «поставить натурою трех человек в гвардию». Любопытно, что архимандрит этого монастыря Тимофей, прося в конце 1812 г. фельдмаршала М.И. Кутузова отменить это решение, ссылался на «волю Наполеона» (Акты... Ч. 2. С. 86–87).

³ Весьма характерно прошение жителя г. Вильно музыканта Иосифа Децинского на имя фельдмаршала М.И. Кутузова, помеченное декабрем 1812 г. Децинский сообщал, что, «не имея никаких к тому [к воинской службе. – В. 3.] способностей, занимаясь целую жизнь одними фортепьянами», был между тем по вступлении в город французов «вовлечен насильственным образом принцем Бассано национальной гвардии в звании капитана»; однако избегал «исправления должности болезнию» (Акты... Ч. 2. С. 88).

⁴ Акты... Ч. 2. С. 96. Любопытно на этот счет прошение, поданное в марте 1813 г. на имя российского виленского гражданского губернатора «от имени Виленской городской гвардии капитанов купеческой роты Антония Гастля и ремесленной Максима Макса» на предмет того, что в связи со службой в гвардии христианского населения Вильно «все промыслы, рукоделия и коммерции» «в руки еврейские со всеми прибылями перешли и перейдут» (Акты... Ч. 2. С. 93–96).

Итак, насколько успешными были действия по формированию вооруженных сил ВКЛ? В исторической литературе на этот счет нет однозначного ответа. Если в отечественных публикациях вплоть до конца XX в.¹ преобладало мнение чуть ли не о провале попыток Литовского княжества создать свою армию, то в зарубежной литературе (Я. Ивашкевич, М. Кукель, Д. Наврот) господствовало противоположное мнение. Найти золотую середину в этом вопросе попытался в 2002 г. А.И. Попов². По его мнению, сложности состояли не в отсутствии нужного числа добровольцев и рекрутов, а были обусловлены проблемами финансирования и военной подготовки. Наше обращение к документам в основном подтверждает этот тезис.

Действительно, Комиссия ВП ВКЛ уже с первых дней своего существования столкнулась с острой проблемой отсутствия денежных средств. Во-первых, российские власти в целом успешно организовали вывоз денежной наличности из западных губерний. Осталась только медная монета³. Во-вторых, активные, даже несколько суетливые попытки организовать добровольные пожертвования имели весьма ограниченный успех⁴. В-третьих, наладить эффективный «сбор повинностей» на основе прежней, российской, системы также не удалось по причине как отсутствия большей части документации, вывезенной русскими, так и явного нежелания местного населения расставаться со своими средствами в условиях военной неразберихи⁵. В-четвертых, проведение люстрации, то есть фактической кон-

¹ Полагаем, что первым, кто в отечественной литературе нарушил эту традицию, был И.Ю. Кудряшов (Кудряшов И.Ю. Вооруженные силы Литовского княжества 1812 г. // Старый барабанщик. № 1. С. 20–27; Он же. Призрак Великой Литвы. Об одной малоизвестной странице войны // Родина. 1992. № 6–7. С. 32–35).

² Попов А.И. Великая армия в России. С. 79–82.

³ В эпоху «наполеоновского присутствия» в Литве ходила самая разнообразная монета. Литовское правительство предприняло усилия с целью хоть как-то упорядочить денежный оборот. Было установлено, к примеру, что русский серебряный рубль равнялся 6 польским злотым и 20 грошам, французский наполеондор в 40 франков равнялся 64 злотым, французский франк – 1 злотому и 18 грошам (См.: Сравнительная таблица денежного курса монет иностранных государств // Акты... Ч. 2. С. 100–101; Акты, издаваемые Виленскою комиссиею. С. XXXI–XXXII).

⁴ См.: Акты, издаваемые Виленскою комиссиею. С. XXVIII–XXIX.

⁵ Тем не менее согласно «Исторической записке...», составленной впоследствии виленским гражданским губернатором Д.Н. Бантыш-Каменским, с частных пожертвований и собранных налогов поступило 2 159 566 злотых и 2 ½ гроша (Акты... Т. 1. С. 396).